

УДК 316

**ПОНЯТИЕ «РЕГИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ»
В ЗАРУБЕЖНОМ НАУЧНОМ
ДИСКУРСЕ**

Малашенко Марина Валентиновна

Доктор филологических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: mari_m57@mail.ru

Глушкова Светлана Алексеевна

Аспирант,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: s.glushkova023@gmail.com

В статье отмечается, что методологические трудности, связанные с изучением региональных идентичностей, заключаются в том, что в современных научно-исследовательских практиках понятия «идентичность» и «регион» употребляются в различных значениях. В рамках лингвопрагматического анализа рассматриваются разные варианты интерпретации этих понятий в зарубежном научном дискурсе и раскрываются эвристические возможности их использования в научных исследованиях.

**THE CONCEPT
OF «REGIONAL IDENTITY»
IN FOREIGN SCIENTIFIC
DISCOURSE**

Marina V. Malaschenko

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: mari_m57@mail.ru

Svetlana A. Glushkova

Postgraduate student,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don
e-mail: s.glushkova023@gmail.com

In the article notes that methodological difficulties associated with the study of regional identities problem is that the concepts of “identity” and “region” uses in a different meanings in modern research practices. The authors conduct linguistic analysis of the concept “regional identity” as a composite of the concepts “identity” and “region” in the paradigm of linguistic pragmatics. It is pointed out that recent research has demonstrated a growing interest in specifying these concepts. An attempt is made to find out whether these concepts tend to be used as convergent or divergent. Linguistic analysis of the concept “regional identity” in the paradigm of pragmatics is conducted. The article aims to give an overview of social and historical transformation of regionalism and identification in foreign sociological discourse. The article fo-

cuses on the forming of regional identity within bounded territories. We note that the relations between regions and regional identities are increasingly complicated in the mobile, globalizing world where the challenge to open traditional bounded spaces and the perpetual practices and discourses associated with the production and maintenance of spatial distinctions and boundaries seem to exist simultaneously and also seem to become fused in increasingly complicated ways. Regions and regional identities seem to have maintained their important roles around the world. They are not merely typical in abstract academic discourses but also crucial as elements of social and political practice and discourse. There are doubtless many backgrounds for such tendencies but in general people's awareness of being part of the complex and at the same time abstract processes associated with globalization appears to motivate a search for certain orientation points, as well as generate efforts to affirm old boundaries and to create new ones. Our review of modern research makes us convinced that in the meantime the concepts "identity" and "region" are perceived as convergent rather than divergent.

Ключевые слова: идентичность, регион, региональная идентичность, дискурс, лингво-прагматический анализ.

Keywords: identity, region, regional identity, discourse, lingvo-pragmatical analyses.

Введение

В настоящее время в научном дискурсе актуализировалась проблематика, связанная с региональными идентичностями. Это обусловлено тем, что в эпоху глобализации мир становится не только однородным и единым, но и иерархичным и фрагментарным, а сама глобализация сопровождается локализацией. В связи с этим в научном дискурсе все чаще говорят о кризисе национальной идентичности и необходимости поиска новых оснований социальной идентификация. Одной из разновидностей локализации является регионализация, в условиях которой у индивидов возрастает потребность самоотождествления с региональным сообществом. Однако ученые, занимающиеся изучением этой проблематики, столкнулись, как отмечают исследователи, с определенными методологическими трудностями, одна из которых заключается в том, что в научно-исследовательских практиках понятие «идентич-

ность» употребляется в самых различных значениях и ангажированных смыслах [15, с. 96–103].

В зарубежном дискурсе можно выделить пять смысловых аспектов, в которых употребляется понятие «идентичность» и которые, дополняя друг друга, позволяют рассматривать ее с разных сторон: 1) феномен коллективной самости; 2) аспект индивидуальности; 3) результат социальных взаимодействий; 4) основание социального действия; 5) продукт конкурирующих дискурсов [2, р. 3–47]. В российском дискурсе идентичность обычно определяется через понятие тождественности – тождественности человека с самим собой или референтной группой. В первом случае речь идет о персональной идентичности индивида, во втором – о его социальной идентичности как результате выбора человеком своей принадлежности к определенной социальной группе, признания его своим в этой группе и признания другими его принадлежности к этой группе [14, с. 24–32].

В современной зарубежной науке можно выделить жесткие и мягкие концепции идентичности. Жесткие, или эссенциалистские, концепции идентичности базируются на такой методологической установке, которая характеризуется приписыванием индивиду или социальной группе неизменного набора качеств и свойств [18, с. 27]. Поэтому предполагается, что такого рода идентичности, задающиеся «естественным образом», являются единственными и устойчивыми. Мягкие концепции идентичности сложились в рамках конструктивистского подхода к ее интерпретации. Благодаря конструктивистам, в научном дискурсе утвердилось представление о том, что идентичности индивидов или социальных групп всегда являются множественными и изменчивыми, поскольку являются результатом символической борьбы, или конкуренции разных нарративов об идентичности [16, с. 90–103]. В связи с этим некоторые исследователи подчеркивают, что «всегда сосуществуют несколько нарративов об идентичности, соперничающих друг с другом за политический рынок, и граждане могут делать между ними выбор» [3, р. 5].

В зарубежной научной литературе существуют различные представления о региональной идентичности, что обусловлено прежде всего разными трактовками таких понятий, как «регион» и «идентичность». Лингвопрагматический анализ этих понятий позволяет понять, как с течением времени их научное значение расширяется или сужается, уточняется или размывается в соответствии с конкретными запросами индивидуальных исследователей и академического сообщества в целом [17].

Понятие «регион», комплексная природа которого может быть детализирована такими значениями, как «край», «поле», «ограничен-

ность», «конечность», будет рассматриваться нами в данной статье как часть страны или часть мира с ее отличительными характеристиками, но не всегда фиксированными границами. Понятие «идентичность» в качестве ядра семантического поля включает в себя вариатив таких значений, как «самость», «одинаковость», «личность», «индивидуальность», «единичность», «аутентичность», «отличие» и т.д. В целях нашего исследования мы ограничимся понятиями «аутентичность», «самость» и «отличие», поскольку они в наиболее обобщенных значениях помогают описать территорию близкого сходства или близости вообще.

В последние десятилетия, как отмечает А. Пааси, слова «регион», «идентичность», «региональная идентичность» и «границы» стали ключевыми при описании места как пространства, находящегося в рамках социологического дискурса [6, р. 134]. Тем не менее участники дискурса изучают данные явления с разных точек зрения и, соответственно, истолковывают указанные понятия неоднозначно. Одна группа зарубежных социологов изучает рост и функционирование экономических макрорегионов и регионализм. Е. Мейерс и А. Ромейн уделяют особое внимание глобальным регионам-городам или полицентричным урбанистическим регионам, которые они предлагают рассматривать как первичные двигатели будущего регионального динамизма. В работах другой группы ученых понятие «регион» просто относится к конкретной пространственной единице, которая дислоцируется между уровнями понятий «государство» и «населенный пункт» [4, с. 179–180].

Еще в 1980-х гг. ученые – сторонники теории конфликтов создали новый взгляд на понятие «регион». По их мнению, именно индивидуальные и институциональные практики / дискурсы стали посредниками между человеком и социальными структурами. В их трудах понятие «регион» рассматривается как синонимичное некоей активно-пассивной «площадке», на которой возможно взаимодействие социальных структур и человеческого фактора. «Жизнь в регионе, – как отмечает А. Пааси, – проживалась в рамках исторически случайного процесса или исторического процесса институционализации, появлялись определенные территориальные, символические и институциональные формы в разделении труда» [7, р. 2297].

Многие ученые понимают «регион» как социальный конструкт и как выражение властных отношений [7, р. 2298]. Для них это означает, что в процессе регионостроительства объединяются материальное и дискурсивное. Регионы начинают рассматриваться как результат социальных взаимоотношений, которые проявляются в комплексных регио-

нальных контекстах, зарождающихся как в рамках региона, так и вовне, и, соответственно, могут становиться глобальными или национальными, региональными или локальными [8, p. 169]. И, действительно, как существование, так и функционирование регионов создают такие очевидно отчетливые параметры для объединения.

М. Семиан и П. Хроми также рассматривают понятие «регион» как социальный конструкт. Они считают, что регион может быть продуктом целенаправленных попыток демонстрации власти, продуктом регионалистов. Этот процесс, по их мнению, схож с тем, при котором «современные нации-государства развиваются как продукт деятельности националистов, которые, например, пишут рассказы, вновь истолковывают историю, возрождают исторические границы, размежевывают территорию и создают символические формы как институты» [10, p. 263].

В современном дискурсе широко используется термин «новый регионализм». Здесь понятие «регион» уже расширяется до описания социального феномена. Новый регионализм предполагает, что новая роль регионов основывается на своей институциональной позиции в более широком диапазоне политических, культурных, экономических и административных процессов. Согласно М. Рако, понятие «новый регионализм» поддерживается тремя взаимосвязанными концептами, в рамках которых регион рассматривается как фокус: 1) для формирования общих экономических стратегий в контексте глобализации; 2) новых форм культурной идентификации; 3) посредничества и совместного присутствия в социальном взаимодействии [9, p. 323–324]. В соответствии с этим Ф. Седербаум высказал предположение о том, что «новый регионализм» характеризуется «многомерностью, комплексностью, текучестью и нонконформизмом. Он включает в себя разнообразие государственных и негосударственных игроков, которые часто объединяются в довольно-таки неформальные коалиции с множеством игроков» [11, p. 9–11].

Ученые начинают сходиться в том, что понятие «регион» со временем сужается. Оно приобретает конкретику по месту и по времени в том смысле, что регион рассматривается как имеющий свое начало и свое окончание в непрерывной региональной трансформации. Институционализация каждого конкретного региона – это проявление многочисленных институциональных практик и дискурсов, относящихся к правительственным структурам, культуре и экономике, которые являются составляющими институционализации региона. Данный процесс является диалектическим. Эти практики и присущие им мотивы и властные взаимоотношения могут, к примеру, основываться на эконо-

мике, политике, культуре и управлении. По мнению Дж. Аллена, мотивы и властные взаимоотношения могут зарождаться в данном конкретном регионе или вовне (как это часто и происходит); они могут исходить из прошлых или настоящих (а иногда и будущих) ожиданий и объединяться уникальным образом в каждом процессе регионостроительства [1, р. 32]. Создание пространства и связанные с этим мотивы и смыслы находятся, таким образом, в процессе постоянных трансформаций. Итак, регионы не выступают изолированными, ограниченными островами, а могут быть эффективно учреждаемыми сообществами и процессами, выходящими далеко за административные границы каждого региона [7, р. 2300]. В наши дни этот контекст с возрастающей частотностью становится глобальным неолиберальным дискурсивным ландшафтом, который характеризуется целенаправленной региональной «конкуренцией».

С понятием «регион» тесно связана теория институционализации регионов. Эта теория предполагает, что регионы следует концептуализировать как исторический процесс. Учредительные полномочия регионов могут зарождаться в регионе и вовне, в удаленных властных структурах. С целью анализа из этих процессов вычленяются четыре стадии: территориальное оформление (создание мягких (soft) и жестких (hard) границ), символическое оформление (наименование / другие символы) и институциональное оформление (институты, создающие / воссоздающие другие формы), а также организация региона как части региональной системы и социального сознания. Это и означает, что регион обладает идентичностью.

В научном дискурсе часто употребляется понятие «возрождение региона». Зарубежные ученые считают, что возрождение региона нельзя объяснить никакой единственной, явной причиной. До момента возрождения регионов (по крайней мере, в Европе) были идентифицированы такие общие тенденции, как неравное развитие территорий; ученые и правители с опаской наблюдали за тем, что региональные языки и культура находятся под угрозой упадка, национального регресса или федерализации как средства сокращения власти центральных государств или как средства управления сепаратистскими устремлениями и конфликтами были идентифицированы. Схожие тенденции также были идентифицированы в проявлениях новых режимов регулирования, которые трансформировали пространства, вгоняя их в некий треугольник между государством, экономикой и управлением [8, р. 15].

В зарубежном дискурсе конструкт «идентичность» исследуется и широко используется в различных социальных науках и определяется

разными способами. Понятие «идентичность» также приобрело определенную важность в рамках системы управления и при региональном планировании. Социологический подход к идентичности предполагает взаимные отношения между личностью (self) и обществом. Личность появляется в обществе и является отражением общества, и личность оказывает влияние на общество через действия индивидов. Конструкт «идентичность» отличается от конструкта «личность». Я. Стец и П. Берк проводят различие понятий «личность» и «идентичность». «В общем, понятие “личность” – это набор смыслов, которые мы признаем, рассматривая самих себя. Оно основано на наших наблюдениях за собой, на наших логических выводах о том, кто мы есть, базирующихся на том, как другие действуют по отношению к нам, на наших желаниях и наших оценках самих себя» [12, р. 188]. Однако понятие «идентичность» в их воззрениях является синонимичным понятию «личность», будучи включенным в понятие «личность»; определяется идентичность разными позициями, которые мы занимаем в обществе. Идентичность является «смыслами, которыми мы наделены как члены группы, как исполняющие роли, или как индивиды» [12, р. 189]. Идентичность – это внутренняя позициональная маркировка человека, и, таким образом, она по умолчанию привязана к аспектам социальной структуры. Идентичность воплощается в социальном опыте, символической коммуникации и отражении институциональных практик, однако идентичность – это нечто, находящееся под контролем.

В 1970-х гг. одновременно с растущей популярностью категории «идентичность» в зарубежном социологическом дискурсе (в особенности в заголовках статей) появляется такое выражение, как «наследие, прошлое или корни». Как мы уже упоминали, с точки зрения психологии идентичность – это обычно относительная перманентность выражения самости. В то же самое время зарубежные социологи начинают уделять особое внимание социальному контенту личной жизни. Национальная идентичность, например, часто понимается как отсылка к важным для индивидов национальным чертам, таким как успех наших артистов, спортсменов или ученых на международной арене. Слом всякого рода идей устоявшейся идентичности и их реконструкция в мире глобализации становятся важными темами в работах современных теоретиков в области гуманитарных наук, создающих свою собственную риторику.

Р. Брубакер и Ф. Купер рассуждают о понятии «идентичность» комплексно и придают ему отрицательную коннотацию. Они образно описывают «идентичность» как «...термин, который используется для обозначения одинаковости, поглощения якобы базовых, фундаменталь-

ных аспектов самости, отрицания существования таких аспектов, акцентирования процессуального, интерактивного развития солидарности и коллективного самосознания и фрагментированного качества современного опыта самости, самости, которая непрочно склеена осколками дискурса и условно активизируется в различных контекстах» [2, р. 1].

Результаты

Аналитически понятие «идентичность» может быть концептуализировано как понятие, состоящее из двух элементов: идентичность региона и идентичность регионального сознания людей, живущих в регионе и вовне его. Эти формы создаются и воссоздаются в перманентном структурировании индивидуальных и институциональных практик и дискурсов экономики, политики, управления, культуры, СМИ и образования. В соответствии с этим, для того чтобы понять проблему создания, возрождения и деинституционализации (ропуска) регионов, следует мыслить шире, чем просто в границах региона; этот вопрос следует рассматривать в парадигмах институциональных практик, посредством которых регионы перманентно получают свое становление (а не фиксируются).

Все регионы имеют не только территориальную форму (нечеткие или более четкие границы), но также символическую форму, выраженную через социальную практику, которая создает или воссоздает регион и используется для того, чтобы сконструировать нарративы идентичности и символизировать регион. Название региона, которое часто является результатом политической или культурной борьбы, и ряд других символов (герб, песни, определенные культурные и естественные черты, мифы) могут оказаться решающими. Их смыслы могут варьироваться на разной пространственной шкале. Специфическая институциональная форма, ряд институтов / институциональных практик, которые используются при поддержании территориальной и символической формы, также являются важными элементами в процессе регионостроительства.

Употребление понятия «региональная идентичность» (реже «идентичность региона») зачастую предполагает отсылку к таким особенностям природы, культуры и жителей, которые отличают один регион от другого. Идентичность осознаваемого процесса может быть сконструирована людьми. Этот процесс означает сохранение памятников культуры, традиций, обычаев, а также осознание человеком того, что он является жителем конкретного региона. На этой стадии и появляется на свет понятие «региональная идентичность», что уже весьма недвусмысленно говорит о том, что идентичность человека имеет свои корни не только в стране проживания, но и в регионе проживания. Тем не менее, по утверждению А. Пааси, употребление в социологическом дискурсе

понятия «региональная идентичность» создает одновременно и контент, и повестку для обсуждения понимания этой идеи. Он пишет, что «...нарративы о региональной, или “нашей”, идентичности становятся составными частями интерпретаций относительно того, что же такое идентичность и что она означает» [5, р. 9].

В современном социологическом дискурсе понимание культурных различий или идентичности данного региона (а регион на самом деле часто воспринимается просто как данный) – это эмпирический феномен, который может быть проанализирован с помощью использования таких культурных элементов и черт, как диалект, музыка, региональная кухня, литература, фольклор и т.п., что и является индикаторами этой отличительности или идентичности. В конечном счете, по мнению А. Пааси, «...региональная идентичность – это ярлык, зарезервированный для существования некоего пространственного оформления для этих черт. В этом смысле идентичность – это отличительная черта региона, а не черта регионального сознания проживающих там людей. При таких рассуждениях регион сам по себе часто рассматривается как нечто само собой разумеющееся» [5, р. 10]. Более правильным, на его взгляд, было бы рассматривать региональную идентичность как сильную приверженность региону проживания. Здесь он вводит новое понятие – «имидж региона». Интересны его слова о том, что важен «...именно имидж, который люди воспринимают как образ региона проживания, как образ дома. Этот образ следует принимать во внимание при развитии видов деятельности и для стимулирования духа творчества и предпринимательства. Идентичность существенно модифицируется тем, как, по мнению людей, их оценивают. Сильная идентичность и позитивный образ – это значимые ресурсы регионального развития» [2, р. 121]. Данное утверждение поддерживает наши рассуждения о том, что в конечном итоге как с целью уточнения понятия «региональная идентичность», так и ради упрощения социологического исследования понятия «регион» и «идентичность» склонны к дальнейшей конвергенции в социологическом дискурсе [13, с. 392].

Выводы

В современном дискурсе зарубежных социологов отношения между понятиями «регион», «идентичность» и «региональная идентичность» (реже «идентичность региона») становятся все более усложненными в мире глобализации и мобильности, где, по всей видимости, одновременно существуют, а также взаимопересекаются все более сложным способом вызовы открытым традиционным, ограниченным пространствам и непрерывные практики и дискурсы, связанные с производством и под-

держанием пространственных различий и границ. Понятия «регион» и «региональная идентичность» удерживают свои главенствующие роли во всем мире. Они не просто характерны для абстрактного научного социологического дискурса. Существует много оснований для таких тенденций, но в общем осознание людьми того, что они являются частью комплексных и в то же самое время абстрактных процессов, связанных с глобализацией, как оказывается, мотивирует сообщество к поиску определенных ориентиров, а также порождает усилия по подтверждению старых границ и созданию новых [3, p. 182]. Проведенный в данной статье анализ трудов зарубежных социологов подтверждает идею о том, что понятия «регион» и «идентичность» воспринимаются как конвергентные, но тем не менее интерпретируются неоднозначно; они до сих пор не нашли единого толкования в современном зарубежном социологическом дискурсе, а понятие «региональная идентичность» как наиболее размытое и комплексное продолжает находиться в стадии уточнения, что необходимо для более единообразного его употребления.

Литература

1. *Allen J.* Lost Geographies of Power. Oxford, 2003. P. 230–243.
2. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond “identity” // *Theory and Society* 29. Netherlands, 2000. 47 p.
3. *Martin D.-C.* The choices of identity // *Social identities*. Basingstoke. 1995. Vol. 1, No 1. P. 5.
4. *Meijers E., Romein A.* Realizing potential: building regional organizing capacity in polycentric urban regions // *European Urban and Regional Studies*. 2003. P. 173–186.
5. *Paasi A.* The region, identity and power // *Regional Environmental Governance: Interdisciplinary Perspectives, Theoretical Issues, Comparative Designs (REGov)*. 2011. Vol. 14. P. 9–16.
6. *Paasi A.* The resurgence of the “region” and “regional identity”: theoretical perspectives and empirical observations on the regional dynamics in Europe // *Review of International Studies*. 2009. P. 121–146.
7. *Paasi A.* Regions are social constructs, but who or what constructs them? Agency in question // *Environment and Planning*. 2010. P. 2296–2301.
8. *Paasi A.* From region to space II // *The*

References

1. *J. Allen.* Lost Geographies of Power. Oxford, 2003. P. 230–243.
2. *R. Brubaker, F. Cooper.* Beyond “identity”. *Theory and Society* 29. Netherlands, 2000. 47 p.
3. *D.-C. Martin.* The choices of identity. *Social identities*. Basingstoke. 1995. Vol. 1, No 1. P. 5.
4. *E. Meijers, A. Romein.* Realizing potential: building regional organizing capacity in polycentric urban regions. *European Urban and Regional Studies*. 2003. P. 173–186.
5. *A. Paasi.* The region, identity and power. *Regional Environmental Governance: Interdisciplinary Perspectives. Theoretical Issues. Comparative Designs (REGov)*. 2011. Vol. 14. P. 9–16.
6. *A. Paasi.* The resurgence of the “region” and “regional identity”: theoretical perspectives and empirical observations on the regional dynamics in Europe. *Review of International Studies*. 2009. P. 121–146.
7. *A. Paasi.* Regions are social constructs, but who or what constructs them? Agency in question. *Environment and Planning*. 2010. P. 2296–2301.
8. *A. Paasi.* From region to space II. *The*

Wiley-Blackwell Companion to Human Geography / J. A. Agnew & J. S. Duncan (Eds.). Oxford, 2011. P. 161–175.

9. *Raco M.* Building new subjectivities: devolution, regional identities and the re-scaling of politics // Territory, Identity and Spatial Planning / M. Tewdwr-Jones & P. Allmendinger (Eds.). London, 2006. P. 320–334.

10. *Semian M., Chromy P.* Regional identity as a driver or a barrier in the process of regional development: a comparison of selected European experience // Norwegian journal of geography. 2014. Vol. 68, No 5. P. 263–270.

11. *Söderbaum F.* Introduction: theories of new regionalism // Theories of New Regionalism / F. Söderbaum & T. Shaw (Eds.). London, 2003. P. 1–23.

12. *Stets J.E., Burke P.J.* Gender, Control, and Interaction // Social Psychology Quarterly. 1996. P. 185–217.

13. *Глушкова С.А., Малащенко М.В.* The Concepts of Identity and Region: Convergence or Divergence // Актуальные проблемы моделирования, проектирования и прогнозирования социальных и политических процессов в мультикультуральном пространстве современного общества: материалы V Междунар. науч. конф. молодых ученых. Ростов н/Д., 2016. С. 388–393.

14. *Лубский А.В.* Дискурсы о национальной и цивилизационной идентичности в России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 24–32.

15. *Лубский А.В.* Идентичность: методологические проблемы дискурсивных практик // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 96–103.

16. *Лубский А.В., Лубский Р.А.* Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 90–103.

17. *Малащенко М.В.* Имя в парадигмах лингвопрагматики. Ростов н/Д., 2003. 312 с.

18. *Миненков Г.Я.* Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки. М., 2005. № 3.

Wiley-Blackwell Companion to Human Geography. J. A. Agnew & J. S. Duncan (Eds.). Oxford, 2011. P. 161–175.

9. *M. Raco.* Building new subjectivities: devolution, regional identities and the re-scaling of politics. Territory. Identity and Spatial Planning. M. Tewdwr-Jones & P. Allmendinger (Eds.). London, 2006. P. 320–334.

10. *M. Semian, P. Chromy.* Regional identity as a driver or a barrier in the process of regional development: a comparison of selected European experience. Norwegian journal of geography. 2014. Vol. 68, No. 5. P. 263–270.

11. *F. Söderbaum.* Introduction: theories of new regionalism. Theories of New Regionalism. F. Söderbaum & T. Shaw (Eds.). London, 2003. P. 1–23.

12. *J.E. Stets, P.J. Burke.* Gender. Control. and Interaction. Social Psychology Quarterly. 1996. P. 185–217.

13. *S.A. Glushkova, M.V. Malashchenko.* The Concepts of Identity and Region: Convergence or Divergence // Aktualnyye problemy modelirovaniya, proyektirovaniya i prognozirovaniya sotsialnykh i politicheskikh protsessov v multikulturalnom prostranstve sovremennogo obshchestva: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. molodykh uchenykh. Rostov n/D., 2016. P. 388–393.

14. *A.V. Lubskiy.* Diskursy o natsionalnoy i tsivilizatsionnoy identichnostyakh v Rossii // Nauchnaya mysl Kavkaza. 2014. № 2. P. 24–32.

15. *A.V. Lubskiy.* Identichnost: metodologicheskiye problemy diskursivnykh praktik // Sotsialno-gumanitarnyye znaniya. 2013. № 11. P. 96–103.

16. *A.V. Lubskiy, R.A. Lubskiy.* Etatizm i paternalizm kak kulturnyye markery tsivilizatsionnoy identichnosti v Rossii // Gumanitariy Yuga Rossii. 2013. № 3. P. 90–103.

17. *M.V. Malashchenko.* Imya v paradigmakh lingvopragmatiki. Rostov n/D., 2003. 312 p.

18. *G.Ya. Minenkov.* Politika identichnosti s tochki zreniya sovremennoy sotsialnoy teorii // Politicheskaya nauka: Identichnost kak faktor politiki i predmet politicheskoy nauki. M., 2005. № 3.